

УДК 94(47).082, 94(47).083

MIKHAIL FEDOROVICH FLORINSKY

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Russian History since Ancient History till the 20th century,
Institute of History, Saint Petersburg State University.
194044, Russian Federation, Saint Petersburg, Mendeleevskaya l., 5.
E-mail: m.florinsky@mail.ru

The Education and Policy of Russia in the period of reforms and social storms

(about the monograph of E.A. Rostovtsev

«The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society and Power

(second half of the XIX – beginning of the XX century)»

(Moscow, ROSSPEN Publ., 2017)

This article is one of the first comments upon the monograph of E.A. Rostovtsev, which is devoted to the destiny of Saint Petersburg University in the turning point of the native history, which completed by accident of Russian Empire and worldwide shocks. Rostovtsev investigation filled in many flaws in the literature, which is devoted to the development of Russian high school in the first part of the 19th – the beginning of the 20th century. The review characterizes this article in the whole, noted the peculiarity points of views, analyses the results of author's attempts, appreciates how much his well-grounded conclusions are argued and how much his observations are reliable. Especial attention turned to the contribution brought to history: the condition of high school first of all university education in Russia in post-reforms epoch and the political life of Russia in the second part of the 19th – the beginning of the 20th century. The review mentioned not only merits but also demerits, which however are not of principle.

Keywords: university, professorate, students, faculty, Saint Petersburg, capital, radical, opposition, autonomy, Ministry of peoples education.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ФЛОРИНСКИЙ

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в.
Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.
194044, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская л., д. 5.
Тел.: 328-94-48, e-mail: m.florinsky@mail.ru

Настоящая статья является одним из первых откликов на монографию Е.А. Ростовцева, в которой речь идет о судьбе Санкт-Петербургского университета на переломном этапе отечественной истории, завершившимся крушением Российской империи и масштабным социальным катаклизмом. Исследование Е.А. Ростовцева заполнило многие ощутимые лакуны, существовавшие в литературе, посвященной развитию высшей школы России во второй половине XIX – начале XX в. В статье дана общая характеристика упомянутой монографии, выявляются особенности авторского подхода к теме, анализируются результаты предпринятых Е.А. Ростовцевым изысканий, оценивается степень обоснованности сделанных им выводов и достоверности содержащихся в книге наблюдений. Особое внимание при этом уделено вопросу о вкладе, который работа Е.А. Ростовцева вносит в изучение проблем, касающихся состояния высшего и, прежде всего, университетского, образования в России в пореформенную эпоху и в целом политической жизни страны во второй половине XIX – начале XX в. Наряду с достоинствами рецензируемого труда в статье отмечаются также отдельные встречающиеся в тексте недочеты, не имеющие, впрочем, принципиального характера.

Ключевые слова: университет, профессура, студенчество, факультет, Санкт-Петербург, столица, радикализм, оппозиционность, автономия, Министерство народного просвещения.

Образование и политика в России в эпоху реформ и социальных бурь*

(о монографии Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи:

ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.)»)

(М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.)

Настоящая монография стала «результатом многолетней работы и размышлений автора над историей Санкт-Петербургской университетской корпорации» [1, с. 5]. В центре внимания

Е.А. Ростовцева «вопросы, связанные с историей и механизмами развития университетского мира Российской империи» [1, с. 8.] на одном из наиболее драматичных этапов в жизни нашей страны, во второй

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Кризис высшей школы 1911 года», проект № 17-01-00222.

половине XIX – начале XX столетий, в эпоху активной модернизации общественных институтов, завершившуюся, однако, грандиозными политическими катаклизмами, радикально изменившими и самый облик российского социума, и характер его дальнейшего развития. Продукт движения российского общества по пути модернизации – университеты, – быть может, нагляднее любого другого общественного института дореволюционной России демонстрировали всю сложность и противоречивость этого процесса, привлекавшего и привлекающего к себе самое пристальное внимание и отечественных, и зарубежных исследователей. Дискуссии по поводу результатов российской модернизации в императорский период отечественной истории носят чрезвычайно острый характер [2, с. 1–432] и, вероятно, обречены на вечность или, во всяком случае, на нечто к ней близкое. Изучение же истории российских университетов позволяет, помимо прочего, продвинуться вперед в осмыслении данной проблематики, что определяется, прежде всего, их ролью в жизни страны, ролью, исключительно многоплановой и значительной. Так, во второй половине XIX – начале XX в., в период драматического противостояния между властью и обществом, во многом и подготовившего почву для погубившего империю социального катаклизма, российские университеты в лице, прежде всего, студенчества оказались едва ли не в авангарде сил, ратовавших за крушение «старого порядка». С другой стороны, университеты и, разумеется, Петербургский университет выступали в качестве «кузниц кадров» для этого самого «порядка». К 1917 г. «четверть от общего числа представителей высшей столичной бюрократии были выпускниками Петербургского университета...» [3, с. 126]. Университетское образование имели два крупнейших государственных деятеля эпохи заката империи – С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, причем последний окончил как раз Санкт-Петербургский университет. И впоследствии, оказавшись на бюрократическом Олимпе, они не воспринимали университетскую среду как нечто абсолютно себе чуждое. Показательно, среди прочего, что С.Ю. Витте в своих мемуарах, преследовавших в принципе, как известно, весьма прагматические цели (апология собственной государственной деятельности, критика политических противников и т. п.), нашел место для рассуждений «о значении и влиянии университета на студентов», подчеркнув, в частности, что в отличие от других высших учебных заведений «университет живет свободной наукой» и призван обеспечивать своих питомцев не только и даже не столько «определенным запасом знаний», сколько служить «механизмом для их научного развития» [4, с. 81].

Исследовательский замысел Е.А. Ростовцева не ограничивался, однако, намерением воссоздать ряд ключевых аспектов истории старейшего университета России в переломную для страны эпоху. Стремясь выяснить на примере Санкт-Петербургского университета, «как же и кем конструировались представления об университете в России XIX–XX вв?» и «каковы

были те социальные акторы, которые влияли на уклад университетской жизни, в том числе столичного университета?», Е.А. Ростовцев справедливо посчитал необходимым заняться в контексте обозначившегося в новейших исследованиях интереса к истории самой университетской идеи в России и проблематикой более общего плана [1, с. 8]. В связи с этим автор наряду с прочим стремился понять, какие «модели организации университета существовали в европейском и российском общественном сознании и образовательной практике нового времени» [1, с. 8]. В дальнейшем, излагая материал, Е.А. Ростовцев показывает, насколько влияли на развитие университетской идеи в императорской России такие выделяемые в литературе модели университета, как доклассический университет, утилитарный университет, классический («гумбольдтовский») университет и пр.

Монография написана на основе очень широкого круга разнообразных источников. Это нормативные акты, делопроизводственная документация, мемуары и дневники, публицистика и пр. При подготовке монографии Е.А. Ростовцевым использовались материалы, отложившиеся в фондах 11 архивохранилищ России (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета и пр.). Многие неопубликованные источники, привлеченные Е.А. Ростовцевым, впервые вводятся в научный оборот. Для освещения рассматриваемых в работе вопросов особое значение имела активно использовавшаяся автором внутриуниверситетская делопроизводственная документация и, прежде всего, «Журналы (Протоколы) заседаний университетского совета», которым предшественники Е.А. Ростовцева должного внимания не уделяли. «Журналы», впервые ставшие в монографии Е.А. Ростовцева предметом тщательного источниковедческого анализа, позволили автору показать, например, несостоятельность долгое время господствовавшего в литературе мнения об университете как о «беззащитной жертве политических преследований» со стороны властей [1, с. 27–28].

Литература, посвященная теме, к изучению которой обратился Е.А. Ростовцев, поистине колоссальна. Сказать при изучении истории Санкт-Петербургского университета вообще и во второй половине XIX – начале XX в., в частности, новое слово, способное оправдать появление настоящего труда, было очень непросто. Автор это прекрасно осознавал, отметив, что «в условиях, когда библиография предмета огромна и включает в себя тысячи названий текстов, так или иначе связанных с изучаемой темой, перед исследователем встает вопрос: как выстроить диалог с предшествующей историографией?». Выстроить такой диалог на страницах рецензируемого труда Е.А. Ростовцеву, как представляется, удалось. Во вводной части к монографии дана развернутая характеристика отечественных (дореволюционных, советских и постсоветских), а равно и зарубежных исследований, посвященных истории Санкт-Петербургского

университета, прежде всего, разумеется, во второй половине XIX – начале XX в., а также вообще университетскому вопросу, его содержанию и роли в жизни дореволюционного российского социума. Тщательно анализируя соответствующие работы, Е.А. Ростовцев дает им аргументированные оценки, учитывая при этом общественно-политические условия, в которых они создавались. Так, дореволюционная литература, посвященная университетской корпорации, ее отношениям с властью и обществом, как показано в монографии, естественно, зачастую носила во многом публицистический характер, что накладывало соответствующий отпечаток на освещение в ней тех или иных аспектов университетского вопроса. О том, насколько внимателен автор при анализе трудов предшественников, свидетельствует следующий, на наш взгляд, показательный пример. В историографическом разделе рассматривается, в частности, статья Н.И. Павлицкой, посвященная Петербургскому университету в годы Первой русской революции. Она была опубликована в 1948 г., т. е. появилась тогда, когда обстановка в стране, мягко говоря, не слишком способствовала непредвзятости в исторических изысканиях. Конечно, это не могло не повлиять на содержание статьи. И однако, Е.А. Ростовцев сумел увидеть в статье Н.И. Павлицкой не только дань известным идеологическим стереотипам, но и попытку «в определенном смысле преодолеть установки «Краткого курса», ссылаясь согласно принятым тогда «правилам игры» на труды В.И. Ленина и вообще социалистическую публицистику [1, с. 68]. В итоге тщательный анализ трудов предшественников, в том числе, как в сущности отмечалось, и работ зарубежных авторов, позволил Е.А. Ростовцеву выявить (в контексте обозначившихся тенденций в развитии исторической науки в целом) имеющиеся в литературе лакуны и сделать их предметом изучения в рецензируемой монографии, а также наметить перспективы для дальнейших изысканий.

Основной текст монографии в соответствии с исследовательским замыслом автора состоит из двух частей. В первой части предметом изысканий является собственно Санкт-Петербургский университет во второй половине XIX – начале XX в. В этом плане в центре внимания Е.А. Ростовцева, задавшегося целью рассмотреть «университетский мир» в разных ракурсах, оказывается широкий круг проблем, связанных «со структурой университета, с отношениями внутри корпорации» (университетской, т. е. преподавательской) и с «внешней средой» [1, с. 107]. Здесь же автором впервые в литературе предпринята попытка создать коллективный портрет как «корпорации в целом, так и ее частей – представителей разных факультетов и областей науки» [1, с. 107].

Характеризуя взаимоотношения Санкт-Петербургского университета с «внешней средой», Е.А. Ростовцев делает, прежде всего, предметом рассмотрения в общем плане вопрос об автономии, которой, как известно, столичный университет (а равно и все прочие) обладал. Соответствующий

сюжет, разумеется, многократно освещался предшественниками Е.А. Ростовцева. Это, однако, не помешало автору не только дополнить, но и откорректировать результаты их изысканий, высказав ряд соображений принципиального свойства. Е.А. Ростовцев с полным основанием выделяет в упомянутой проблеме две грани – формально-юридическую и (история России, а вероятно, и любой страны, пусть и в разной мере, демонстрирует, мягко говоря, немало случаев несоответствия отраженных в нормативных актах намерений власти и жизненных реалий) фактическую. Формально автономия университетов императорской России была весьма ограниченной. Однако, как удалось далее показать Е.А. Ростовцеву, «фактическая автономия университетов была несравненно больше формальной. Любое вмешательство министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор преподавательской корпорации» [1, с. 111]. При этом, как констатирует Е.А. Ростовцев, университетская элита, ратуя за всемерную автономию университетов, в качестве образца рассматривала западные и, прежде всего, немецкие порядки, хотя в данном случае имело место, скорее, использование некой «риторической формулы», ибо «автономией в российском понимании немецкие университеты, как и в большинстве своем другие западноевропейские, не обладали» [1, с. 108]. Данное наблюдение лишней раз подтверждает тот факт, что оппозиционная общественность в своих претензиях к власти нередко, хотя, разумеется, и далеко не всегда, ориентировалась на такие стандарты (социальные, политические и пр.), которые не получили (или еще не получили) реализации и в более развитых странах.

Освещая положение профессорско-преподавательского состава, Е.А. Ростовцев, прежде всего, тщательно анализирует, так сказать, внешнюю сторону дела. В связи с этим Е.А. Ростовцевым рассматриваются вопросы, касающиеся организационной структуры этой корпорации, ее материального обеспечения, возникавшие здесь (порой весьма острые) коллизии и пр. Приводимые факты, авторские наблюдения как бы предваряют предпринятую далее Е.А. Ростовцевым попытку создать «коллективную биографию университетской корпорации». В решении этой сложной задачи автору помогло его участие в качестве ответственного редактора в работе по созданию портала «Биография СПбГУ». В монографии дана развернутая характеристика профессорско-преподавательского состава Санкт-Петербургского университета по четырем действовавшим факультетам с учетом их специфики (Физико-математический, Юридический, Историко-филологический и Восточных языков), начиная с воссоздания университета в 1819 г. (выход за хронологические рамки исследования здесь представляется вполне оправданным характером изучаемого предмета) и вплоть до 1917 г. [1, с. 147]. Соответствующие страницы монографии насыщены

богатым фактическим материалом, впервые вводимым в научный оборот. Тщательно проанализированный, этот материал позволяет характеризовать профессорско-преподавательский состав по самым разным параметрам – по «остепененности», по религиозной и сословной принадлежности, по публикационной активности и пр. Результаты своих изысканий Е.А. Ростовцев скромно именуется такими, которые дают возможность «лишь наметить некоторые черты и проблемы коллективной биографии преподавательской коллегии четырех факультетов столичного университета» [1, с. 152]. Возможно, это и так. И все же, думается, автор явно преуменьшил сделанное им. Ознакомившись с упомянутым разделом работы, читатель получает весьма полное представление о социальном облике преподавателей Санкт-Петербургского университета в XIX – начале XX в. В общем проделанная автором здесь работа, на наш взгляд, является удачным примером комплексного просопографического исследования.

Студенчество Санкт-Петербургского университета собственно предметом специальных изысканий в монографии Е.А. Ростовцева не является. Автор особо оговаривает это обстоятельство. Однако он прекрасно отдает себе отчет в том, что составить сколько-нибудь полное представление о преподавательской корпорации, абстрагируясь от ее отношений со студенческой средой, невозможно. В конце концов, вокруг этих отношений вращалась и вращается в принципе вся университетская жизнь. «Любая научно-образовательная традиция, – справедливо замечает Е.А. Ростовцев, – основана на практиках обучения и общения между учителями и учениками, при этом формы этого взаимодействия для корпорации не менее важны, чем нормативное регулирование жизни университета, идейные доктрины или концепции эпохи» [1, с. 206]. В связи с этим автор обращается к изучению вопросов, связанных со взаимодействием преподавательского и студенческого миров, что, помимо прочего, позволило ему показать, как происходило само становление университетского преподавателя, чье знакомство с университетом обычно начиналось на студенческой скамье.

Во всяком случае, Е.А. Ростовцев смог представить на страницах своей монографии социальный портрет студента Санкт-Петербургского университета во второй половине XIX – начале XX в. Соответствующий раздел работы содержит обширный статистический материал, информирующий читателя о сословной и конфессиональной принадлежности учащихся, их имущественном положении и пр. Здесь же приводятся (и это, безусловно, одно из достоинств рецензируемого труда) многочисленные сцены из сферы тогдашней студенческой повседневности, оживляющие строго научное повествование. Так, предметом авторского анализа становится один из непреходящих элементов быта студентов (вероятно, всех времен и народов) – пирушки, часто заканчивавшиеся (и отнюдь не по политическим мотивам) в полицейском участке.

Характеризуя взаимоотношения, складывавшиеся между студентами университета и их наставниками, Е.А. Ростовцев выявляет здесь такой своеобразный феномен, как «взаимное воспитание». В монографии убедительно показано, что «нормы поведения профессоров, их самооценка и даже положение в корпорации в не меньшей степени зависели от студенческого мнения, нежели студенческая масса от высказываний и оценок своих наставников» [1, с. 289]. Активно культивировавшийся и преподавательской средой, и властью «миф о единой университетской семье» способствовал проявлениям патернализма в отношениях между обучающими и учащимися, что порождало, например, такое явление, как «плачущий педагог», доведенный до истерики неспособностью найти общий язык со студентами. Е.А. Ростовцевым подробно охарактеризованы также различные формы, в которые выливалось повседневное взаимодействие педагогов и студентов, – лекции, семинары и пр., выявлена их роль в организации учебного процесса во второй половине XIX – начале XX в. Естественно, автор не обошел своим вниманием и такую процедуру, предполагавшую весьма тесный контакт между учениками и наставниками, как экзамены. Результаты исследований Е.А. Ростовцева позволяют читателю судить, в частности, об уровне подготовки студентов университета в конце XIX – начале XX в. Картина здесь складывалась далеко не идиллическая. В монографии приводятся и тщательно разбираются факты, свидетельствующие о том, что студенты в рассматриваемый период (как, впрочем, вероятно, во все времена и повсюду) могли продемонстрировать весьма низкий уровень знаний (причем даже тогда, когда речь шла о, казалось бы, элементарных вещах), а экзаменаторы – крайнюю снисходительность [1, с. 267]. Такие, по-видимому, вечные проблемы вузовской жизни, как плохая посещаемость занятий, недостаточно ответственное отношение к своим обязанностям не только обучающихся, но и учащихся, показывает Е.А. Ростовцев, довольно громко заявляло себе и в тогдашнем Санкт-Петербургском университете.

Как уже указывалось, Е.А. Ростовцев не ставил целью специально рассмотреть вопрос о том, что представляло собой студенчество Петербургского университета во второй половине XIX – начале XX в., хотя многие аспекты данной проблемы и нашли отражение на страницах рецензируемой книги. Интересны в этом плане, наряду с прочим, некоторые наблюдения автора относительно принятых в студенческой среде норм поведения. Так, констатирует Е.А. Ростовцев, к поступкам, противоречащим «достоинству» университета, относилось «шпионство» или «провокачество», причем «достаточно было подозрения в «провокачестве», чтобы сделать пребывание человека в стенах университета небезопасным» [1, с. 283]. Отметим, что в данном отношении студенты столичного университета имели единомышленников и среди учащихся других учебных заведений. Например, неприятие всякого рода «фискальства» культивировалось у будущих

офицеров [5, с. 238,323] и не только у них. Как вспоминал А.И. Герцен, повествуя о своем обучении в Московском университете в 30-е гг. XIX в., «Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями, и при всем том я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства» [6, с. 151]. Один случай такого «предательства», правда, по свидетельству А.И. Герцена, все же имел место, но результаты его для нарушителя неписанных норм поведения студента оказались весьма плачевными – товарищи, «мучили его до того, что он не остался до окончания курса» [6, с. 151–152].

Значительное внимание в рецензируемой работе уделено различным формам общественной активности студентов. Речь при этом идет о функционировании землячеств, научных кружков, корпораций, фактически преследовавших политические цели (Академический союз и пр.). И здесь, как и в других случаях, Е.А. Ростовцеву удалось дополнить во многих отношениях и выявленными им фактами и интересными наблюдениями то, что было сделано в данном плане его предшественниками.

Однако более всего автора, естественно, занимают вопросы, касающиеся положения преподавательской корпорации Санкт-Петербургского университета. В сущности, и почти все рассмотренные выше сюжеты, о которых идет речь в монографии, являлись собой в большей или меньшей мере различные ипостаси этой проблематики. В данной связи вполне закономерным выглядит обращение исследователя к вопросу о, так сказать, внутренней жизни университетской преподавательской корпорации как части академической среды, весьма узкой, но влиятельной социальной прослойки. В поле зрения Е.А. Ростовцева находится широкий круг сюжетов, касающихся карьеры преподавателей Санкт-Петербургского университета, их участия в различных университетских мероприятиях, например, церемониального плана и пр. Здесь, может быть, особенно отчетливо обнаружилась характерная черта исследовательского метода Е.А. Ростовцева, уже, впрочем, отмечавшаяся нами и ранее, – внимание не только к формальной, нашедшей отражение в соответствующих нормативных актах стороне дела, но и к правилам неписанным. Выявление этих правил составляло непростую задачу. Однако автор смог ее успешно решить. В результате ему удалось показать, что «академическое сообщество столичного университета второй половины XIX – начала XX в. составляло социальную группу с устойчивыми корпоративными признаками: формальной и неформальной иерархией, общей системой ценностей и понятий...» [1, с. 348].

Значительное место в монографии занимает характеристика внеуниверситетской деятельности преподавательской корпорации. Е.А. Ростовцев выделяет несколько сфер общественной жизни, в которых эта деятельность заявляла о себе особенно громко: средства массовой информации, академическая сфера, различные образовательные

и социальные проекты, мероприятия культурного и светского плана. Предметом особых изысканий Е.А. Ростовцева стал и очень важный вопрос о месте Санкт-Петербургского университета в городском ландшафте, а также о взаимоотношениях университетской корпорации с городской администрацией и органами городского самоуправления. Полученные автором в связи с этим результаты дополняют наряду с прочим сложившуюся систему представлений о том, как функционировали в рассматриваемую эпоху упомянутые властные институты.

Во второй части монографии Е.А. Ростовцевым предпринята попытка, так сказать, вписать Санкт-Петербургский университет в бурную политическую историю пореформенной России, т. е. показать, какие факторы влияли тогда на «формирование университетской политики» власти, охарактеризовать основные этапы, которые эта политика прошла «с эпохи великих реформ до революции 1917 г.» [1, с. 405]. При этом в основу своих построений автор положил тезис о единстве и непрерывности истории университетской корпорации: «преподавательский мир и его устройство эволюционировали постепенно, имея весьма устойчивые базовые характеристики» [1, с. 405].

В монографии дается содержательная оценка ситуации, складывавшейся в Санкт-Петербургском университете в эпоху преобразований Александра II. Как показывает Е.А. Ростовцев, именно тогда в полной мере обозначилась двойственная роль столичного университета (и университетов вообще) в жизни России – с одной стороны, «украшения», а с другой, «раздражения» короны и империи [1, с. 407]. Автор выявляет и анализирует причины, обусловившие превращение университета в центр либеральной и радикальной оппозиции. Повествуя о «студенческих беспорядках 60 – начала 80-х гг. XIX в., Е.А. Ростовцев подробно рассматривает известную историю с оскорблением действием министра народного просвещения А.А. Сабурова на университетском акте 8 февраля 1881 г. Об этом осязаемом (в прямом и переносном смысле) проявлении студенческого радикализма, конечно, писали многократно. Однако соображения, высказанные в данной связи Е.А. Ростовцевым, позволяют лучше понять мотивы, которыми руководствовались все так или иначе замешанные в упомянутую историю лица. Власть и молодых радикалов здесь, как и во многих других случаях подобного рода (это хорошо показано в рецензируемой монографии), разделяли не только, а похоже, и не столько политические принципы, сколько различия в мировосприятии, в отношении к людям, идеям и пр. Поражающей своими масштабами нетерпимости и агрессивности революционного студенчества противостояла власть, озабоченная в лице министра, как это ни покажется парадоксальным, тем, чтобы «свести репрессии против зачинщиков беспорядков на акте к минимуму» [1, с. 422]. Что касается профессуры, то она, в сущности, занимала по отношению к радикалам попустительскую позицию и «прилагала поистине отчаянные усилия, чтобы не замечать того

обстоятельства, что университет является центром открытой революционной фронды...» [1, с. 425].

Усиление охранительных начал в политике власти в царствование Александра III, как известно, повлияло и на политику власти в сфере образования, что нашло отражение, в частности, в Университетском уставе 1884 г. Вопрос о том, как данный акт сказался на положении дел в Санкт-Петербургском университете, всесторонне рассматривается в рецензируемой монографии. Традиционная оценка Устава 1884 г. заключалась в признании его законом, ликвидировавшим университетскую автономию. Как указывалось, Е.А. Ростовцев уже отмечал в другой связи, что реальные прерогативы, которыми обладали университетские власти и те, которыми их наделял закон, не совпадали, причем первые были более широкими. Анализ ситуации, сложившейся в Санкт-Петербургском университете с появлением Устава 1884 г., позволил автору подвести под упомянутый тезис более прочную доказательную базу. Во всяком случае, в работе приведен обширный фактический материал, определенно свидетельствующий о том, что, в конечном счете, правительству, столкнувшемуся с противодействием профессуры, не удалось добиться такого влияния на университетскую жизнь, какое имелось в виду достигнуть при издании Устава 1884 г. В этом смысле не помогло и стремление тогдашнего министра народного просвещения И.Д. Делянова держать в поле своего зрения даже такие мелочи, как вопросы, касающиеся составления расписания занятий [1, с. 436]. Отметим попутно, что данная практика явно отражала не только личные качества И.Д. Делянова как министра и/или особенности его взаимоотношений со столичным университетом. В правительстве И.Д. Делянов с его вниманием к «административной вермишели» был отнюдь не одинок. Чрезмерная централизация, характерная для системы управления империи, благоприятствовала такому стилю руководства, при котором должностные лица самого высокого ранга занимались сплошь и рядом делами, которые в принципе как будто бы никак не могли находиться в поле зрения сановника соответствующего уровня по причине своей незначительности. Например, министр земледелия и государственных имуществ в 1893–1905 гг. А.С. Ермолов не обладал способностью «распределить работу между собой и своими подчиненными, и это до такой степени, что, например, сам держал корректуру (выполняя, тем самым, обязанности корректора. – М.Ф.) издававшейся его министерством “Земледельческой газеты”» [7, с. 69].

Не внеся принципиальных изменений в университетскую жизнь, Устав 1884 г., однако, своим охранительным характером вызывал раздражение и преподавательской корпорации и студенчества. Никаких политических дивидендов власти он не обеспечил. Скорее, напротив. В монографии дается сжатая, но содержательная характеристика революционным кружкам, в деятельности которых участвовали студенты Санкт-Петербургского уни-

верситета. В итоге, как показывает Е.А. Ростовцев, Устав во многом провоцировал рост протестных настроений в университетской среде [1, с. 440]. Похоже, издание Устава – и изыскания Е.А. Ростовцева демонстрируют это самым убедительным образом – принадлежало к числу таких принимавшихся властью на рубеже XIX–XX вв. мер, которые только укрепляли ее оппонентов в уверенности в том, что «стоит лишь проявить стойкое сопротивление, чтобы парализовать любое распоряжение правительства» [7, с. 289].

Большое внимание в монографии уделено вопросам, касающимся ситуации, складывавшейся в Санкт-Петербургском университете в 90-е гг. XIX в. – начале 1900-х гг. Как показывает Е.А. Ростовцев, правительственная «репрессивная машина была...бессильна искоренить фрондерскую ментальность интеллектуальной молодежи» [1, с. 465]. В монографии связи с этим подробно повествуется о проявлениях данной ментальности в Санкт-Петербургском университете в преддверии революционного взрыва 1905–1907 гг., каковым (проявлениям) в полной мере сочувствовала преподавательская корпорация, в свою очередь, все более проникавшаяся оппозиционными настроениями. На страницах рецензируемого труда, наряду с прочим, подробно разбирается такой колоритный эпизод из истории студенческого движения на рубеже XIX–XX вв., как волнения 1899 г., начавшиеся именно в столичном университете и вскоре приобретшие общероссийский характер. Разумеется, они многократно освещались исследователями. Однако Е.А. Ростовцеву удалось внести вклад в изучение и данного, казалось бы, хорошо изученного сюжета. Основываясь на зачастую противоречивых свидетельствах источников, автор полнее и точнее, чем это делалось раньше, реконструирует ход упомянутого конфликта, высказывает ряд соображений относительно его значения и особенностей. Изучение протестного движения в Санкт-Петербургском университете в 900-е гг. позволило Е.А. Ростовцеву прийти к убедительно аргументированному и важному для уяснения особенностей складывавшейся тогда в России в целом ситуации выводу – «...к моменту формально принятой даты ее (Первой русской революции. – М.Ф.) начала... революция в стенах университета уже шла полным ходом», причем реальным хозяином в университете являлась профессура, «университетские мандарины» [1, с. 524].

Одним из центральных сюжетов второй части монографии Е.А. Ростовцева, естественно, стала история Санкт-Петербургского университета в период революции 1905 г. Наибольшее внимание автор при этом уделяет вопросам, связанным с отношением к тогдашним бурным событиям и участием в них преподавательской корпорации, большинство членов которой, как показывает Е.А. Ростовцев, придерживалось демократическо-либеральных взглядов. При этом университетская профессура, по вполне обоснованному предположению Е.А. Ростовцева, «воспринимала себя не только как интеллектуальную,

но отчасти и как общественно-политическую элиту» [1, с. 528].

В монографии показывается, как повлияли на ситуацию в университете уступки, сделанные властью в разгар революции в вопросе об автономии, – издание в августе 1905 г. Временных правил, касавшихся управления университетами. Либеральная профессура посчитала их недостаточно отвечающими ее притязаниям. В монографии нарисована впечатляющая картина превращения Санкт-Петербургского университета в итоге в арену для массовых демонстраций, студенческих сходок и пр. При этом Е.А. Ростовцев выявил те изменения, которые произошли в «политическом ландшафте» высшей школы под влиянием соответствующих изменений в общественной жизни страны – с появлением легальных политических партий, в том числе либерального толка, социалисты лишились ранее им принадлежавшего «почти полного контроля» над студенчеством [1, с. 563]. Автором собран и проанализирован богатый фактический материал, позволяющий составить представление о том, как эволюционировало в 1905–1907 гг. отношение преподавательской корпорации, либеральной профессуры, к участию студентов в революционном движении, о ее контактах с властью в лице Министерства народного просвещения, об использовании корпорацией открывшихся в результате преобразований 1905–1906 гг. возможностей для легальной политической деятельности в общероссийском масштабе и пр.

Много внимания на страницах своего исследования Е.А. Ростовцев уделил и вопросам, касающимся положения Санкт-Петербургской университетской корпорации в 1907–1914 гг. Центральное место здесь отведено освещению многообразных коллизий в отношениях между университетом и Министерством народного просвещения, начавшим после подавления революции 1905–1907 гг. наступление на университетскую автономию на фоне отчетливо обозначившегося в 1907–1910 гг. спада протестной активности студентов. Особенно значительными в этом отношении представляются результаты, полученные автором при изучении т. н. «разгрома высшей школы», учиненного согласно практически единодушному мнению исследователей, Л.А. Кассо, который в 1910–1914 гг. занимал пост главы ведомства просвещения. Однако (и в монографии данный тезис подкрепляется приводимыми автором фактами) кризис в отношениях между университетом и министром вызвали не действия последнего, а студенческая сходка по случаю смерти С.А. Муромцева, а затем и траурные демонстрации по поводу кончины Л.Н. Толстого. Посягательства же Л.А. Кассо на университетскую автономию, как удалось установить Е.А. Ростовцеву, сколько-нибудь ощутимыми результатами не увенчались. Преподавательская корпорация снова продемонстрировала недюжинные способности к сопротивлению неприемлемым для нее начинаниям власти. Понеся в целом в 1907–1914 гг. «ряд существенных потерь», резюмировал свои наблюдения

Е.А. Ростовцев, университет «оставался территорией академической и гражданской свободы, где возможности правительственной власти были ограничены...» [1, с. 662].

Впервые вводимые в научный оборот факты, интересные и важные наблюдения представлены и в тех разделах работы Е.А. Ростовцева, в которых речь идет об истории Санкт-Петербургского университета в годы Первой мировой войны. Так, автору удалось уточнить существующие представления относительно особенностей проявлений в настроениях преподавательской корпорации «патриотического воодушевления», охватившего русское общество с началом глобального вооруженного конфликта. При этом «фактическая автономия» университета весьма громко заявляла о себе. Е.А. Ростовцев обратил внимание на очень колоритный факт – Санкт-Петербургский университет, по существу, проигнорировал «общегосударственное требование об исключении »вражеских подданных» из своих рядов...» [1, с. 675].

«Либеральный патриотизм», демонстрируемый университетской корпорацией в годы войны, давал себя знать и в появлении соответствующих публикаций в прессе, в благотворительной деятельности и пр. Обо всем этом подробно и интересно рассказывается в рецензируемой монографии. Впрочем, как отмечает Е.А. Ростовцев, при несомненном патриотизме большинства университетских педагогов господствовавший в их умах идеал университета, как чуждой житейским бурям «башни из слоновой кости», не благоприятствовал использованию интеллектуальных ресурсов университета для удовлетворения нужд фронта [1, с. 697]. Думается, в данном случае имело место не только это. Непонимание тотального характера глобального вооруженного конфликта, приверженность к традиционному взгляду на войну как на дело собственно военных был присущ и части общества и части правящих кругов. Показательно, что в свое время при обсуждении в кабинете П.А. Столыпина вопроса о подготовке плана государственной обороны обер-прокурор Синода П.П. Извольский – высшее должностное лицо, обладавшее серьезными возможностями для идейного воздействия на население, – заявил, что к проблемам обороны вверенное ему ведомство отношения не имеет [8, л. 241].

В монографии выявлены отличия в настроениях преподавательской корпорации от настроений студенчества в годы войны. Преподавательское общество своих патриотических идеалов не меняло. Что касается студенчества, то оно, будучи охвачено в 1914 г. патриотическим воодушевлением, накануне Февральской революции все более склонялось к пацифизму. На эволюцию студенческого отношения к войне уже обращали внимание предшественники автора. В настоящей монографии, однако, выявляются и причины роста пацифистских настроений в студенческой среде, каковые справедливо усматриваются, прежде всего, в начале массовых призывов учащихся в армию с весны 1916 г. [1, с. 718]. Похоже,

студенты не слишком рвались жертвовать собой во имя победы.

В работе, естественно, много внимания уделено вопросам, связанным ситуацией, сложившейся в университете во время собственно драматических событий, ареной которых Петроград стал в феврале – марте 1917 г. Здесь Е.А. Ростовцев, прежде всего, выдвинул и убедительно обосновал следующий тезис: в отличие от того, что имело место в 1905 г., в данном случае университет не играл роль «революционного центра», и студенты лишь «влились в общий протестный поток...» [1, с. 726]. В монографии подробно освещается вопрос о судьбе университета при Временном правительстве и после прихода к власти большевиков. Последним, лишенным присущего «старому режиму» известного пиетета перед ученостью, в итоге удалось «совершить то, что не могла, а в некотором смысле и не хотела сделать прежняя власть, – сломать университетскую корпорацию, советизировать ее, сделать составной частью государственной машины» [1, с. 753]. Своеобразным итогом авторских изыскания явился представленный на последних страницах второй части монографии «коллективный портрет преподавательской эмиграции Петрограда» [1, с. 754], «портрет», так сказать, весьма информативный и позволяющий более предметно осознать масштабы катастрофы, пережитой интеллектуальной элитой России (и самой Россией) в 1917 г. и во время Гражданской войны.

Выполненная, несомненно, на высоком профессиональном уровне монография Е.А. Ростовцева не лишена и определенных недостатков. Впрочем, наши замечания по поводу настоящей работы фактически носят характер пожеланий. Как следует из всего сказанного выше, вопросы, касающиеся взаимоотношений между властью и преподавательской корпорацией столичного университета, рассмотрены в рецензируемой монографии весьма подробно. Однако во второй половине XIX – начале XX в. в практику государственного управления прочно вошло привлечение (в разных формах) к работе тех или иных бюрократических структур специалистов в определенных областях знания, представителей научного мира в качестве экспертов. Из рецензируемой монографии неясно, в какой мере преподавательская корпорация столичного университета участвовала в выполнении этих важных функций.

Далее, работа, думается, выиграла бы, если бы автор шире использовал сравнительный метод. Развернутое сопоставление в избранном в монографии ракурсе Санкт-Петербургского университета с другими университетами империи (в книге высказываются по этому поводу лишь отдельные замечания) способствовало бы и более глубокому осмыслению проблематики, находящейся в центре внимания автора.

На с. 692–696 монографии подробно освещаются коллизии, вызванные попыткой создания в столичном университете в годы Первой мировой войны медицинского факультета. Однако возникает вопрос, не были ли данные планы связаны каким-то

образом с предпринятой тогда же и сразу же оказавшейся в эпицентре острейшей политической борьбы попыткой реорганизации системы заведования медицинской частью в общероссийском масштабе и образованием Главного управления государственного здравоохранения на правах министерства? [9, с. 149–154; 10, с. 48].

На с. 538 Е.А. Ростовцев отмечает, что появившиеся в разгар революции 1905–1907 гг. новые Временные правила, касавшиеся управления университетами, были приняты 26 августа 1905 г. Советом министров, а затем вступили в силу на основании царского указа от 27 августа 1905 г. Однако в статье В.П. Яковлева, на которую, в частности, Е.А. Ростовцев здесь как раз ссылается, речь идет о рассмотрении этих Правил в Комитете министров [11, с. 157–158]. Само сообщение о необходимости скорейшего вступления их в силу появилось в Правительственном вестнике еще 24 августа [12, с. 15]. При этом С.Ю. Витте в своих мемуарах писал о предварительном рассмотрении Правил только в некоем совещании с участием Д.Ф. Трепова (тогда товарищ министра внутренних дел и петербургский генерал-губернатор), а также министра финансов В.Н. Коковцова, министра народного просвещения В.Г. Глазова и главноуправляющего землеустройством и земледелием П.Х. Шванебаха [13, с. 194].

Наконец, содержательная характеристика, данная в монографии имущественному положению студентов университета, как представляется, выиграла бы, если бы автор более подробно рассмотрел вопрос о студенческих подработках. В книге об этом сказано вскользь. Между тем данный аспект студенческого быта являлся весьма существенным. Показательно, что уже неоднократно упоминавшийся здесь С.Ю. Витте, знакомясь с жизнью американских студентов во время своей поездки США для переговоров с японцами о заключении мирного договора, обратил внимание именно на эту сторону дела, включив потом в свои мемуары довольно любопытные замечания, касающиеся уже студентов российских. Так, С.Ю. Витте был весьма удивлен тем, что в США студенты не гнушались подрабатывать официантами в ресторанах, тогда как «наши бедные студенты», даже голодая, «живя иногда на 10–20 руб. в месяц, ... тем не менее были бы шокированы, если бы им предложили служить за столом в виде лакея даже в самых лучших ресторанах» [14, с. 713].

В целом, однако, рецензируемая книга – безусловно, серьезное и во многих отношениях новаторское исследование. Отметим еще две его особенности. Прежде всего, авторские оценки отличаются взвешенностью, непредвзятостью, при том что речь в книге идет о проблемах, и сейчас не утративших актуальности, порождающих до сих пор острые общественные дискуссии. И еще. Работа написана хорошим литературным языком. Ее просто интересно читать. Монография Е.А. Ростовцева, несомненно, привлечет к себе внимание и специалистов, и всех, кому небезразлична история России и история российского высшего образования.

Литература и источники

1. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
2. О причинах русской революции. Альманах «История и математика». М.: Изд. ЛКИ, 2010. 432 с.
3. Куликов С.В. «Революции неизменно идут сверху»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор: журнал истории и культуры Восточной Европы. 2007. № 11. С. 117–185.
4. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. Кн. 1. 524 с.
5. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М.: Мысль, 1973. 351 с.
6. Герцен А.И. Былое и думы. М.: Художественная литература, 1973. Ч. 1–3. 448 с. + 656 с. + 664 с.
7. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 746 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 530.
9. Раскин Д.И. Несостоявшаяся реформа здравоохранения в России // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 149–154.
10. Первая мировая война и конец Российской империи. СПб.: Лики России, 2014. Т. 1. 782 с.
11. Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1906–1910) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. С. 157–164.
12. Борисова Т.Ю. Закон и законность в русском кодексе 1906–1917 гг. // Источник. Историк. История. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. С. 11–41.
13. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 649 с.
14. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. Кн. 2. 525 с.

References

1. Rostovtsev E.A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Capital University of Russian Empire: Academics, Society and Power (second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.
2. *O prichinakh russkoi revolyutsii. Al'manakh «Istoriya i matematika»* [About the causes of the Russian revolution. Almanac «History and Mathematics»]. Moscow, LKI Publ., 2010, 432 p.
3. Kulikov S.V. «Revol'yutsii neizmenno idut sverkh»: Padenie tsarizma skvoz' prizmu elitistskoi paradigmy [«Revolutions always come from above»: The fall of tsarism through the prism of the elitist paradigm]. *Nestor: zhurnal istorii i kul'tury Vostochnoi Evropy* [Nestor: Journal of the History and Culture of Eastern Europe], 2007, no. 11, pp. 117–185.
4. *Iz arkhiva S.Yu. Vitte. Vospominaniya* [From the archive S.Yu. Witte. Memories]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, vol. 1, book 1, 524 p.
5. Zaiionchkovskii P.A. *Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletii* [Autocracy and the Russian army at the turn of the 19th–20th centuries]. Moscow, Mysl' Publ., 1973, 351 p.
6. Herzen A.I. *Byloe i dumy* [My past and thoughts]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1973, part 1–3, 448 p. + 656 p. + 664 p.
7. Gurko V.I. *Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika* [Features and silhouettes of the past. Government and the public in the reign of Nicholas II in the memories of a contemporary]. Moscow, Nvoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, 746 p.
8. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archive (RSHA)], f. 1276, op. 4, d. 530.
9. Raskin D.I. *Nesostoyavshayasya reforma zdravookhraneniya v Rossii* [Unresolved health care reform in Russia]. *Voprosy istorii* [Problems of history], 2006, no. 4, pp. 149–154.
10. *Pervaya mirovaya voyna i konets Rossiiskoi imperii* [The First World War and the end of the Russian Empire]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2014, vol. 1, 782 p.
11. Yakovlev V.P. *Politika tsarskogo pravitel'stva v universitetskom voprose (1906–1910)* [The policy of the tsarist government on the university question (1906–1910)]. *Vestnik LGU* [Bulletin of Leningrad State University], 1969, no. 2, issue 1, pp. 157–164.
12. Borisova T.Yu. *Zakon i zakonnost' v russkom kodekse 1906–1917 gg.* [Law and legality in the Russian Code of 1906–1917]. *Istochnik. Istorik. Istoriya* [A source. Historian. History]. Saint Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2001, pp. 11–41.
13. *Iz arkhiva S.Yu. Vitte. Vospominaniya* [From the archive S.Yu. Witte. Memories]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, vol. 2, 649 p.
14. *Iz arkhiva S.Yu. Vitte. Vospominaniya* [From the archive S.Yu. Witte. Memories]. St. Peterburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, vol. 1, book 2, 525 p.